БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ (вечерний выпуск)
г. БАКУ
18 ДЕКАБРЯ 1961

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ МУЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ГЛИНКИ

Собирая в архивах Москвы материалы для своей научной, литературоведческой работы, я столкнулся с не имеющими к ней непосредственного отношения источниками. Думается, факты и сведения, содержащиеся в этих источниках, представят для читателя определенный интерес.

Великий русский композитор М. И. Глинка в своем творчестве часто обращался к народной музыке. В его произведениях использованы русские, финские, татарские, украинские, испанские, черкесские мелодии.

Творчество М. И. Глинки связано и с Азербайджаном. Он изучал английский и персидский языки у профессора Петербургского университета азербайджанца Мирзы Джафара Топчибашева. С его помощью композитор, видимо, знакомился и с образцами азербайджанского музыкального фольклора.

Оперы М. И. Глинки неоднократно ставились на бакинской сцене, лучшие симфонические произведения его входят в репертуар азербайджанских оркестров. Для нас отрадно, что композитор в своих музыкальных произведениях использовал азербайджанские народные мелодии.

В декабре 1842 года в Петербурге состоялось первое представление оперы М. Глинки «Руслан и Людмила». Либретто было написано другом композитора, живописцем и поэтом В. Ф. Широковым на основе поэмы А. С. Пушкина. В этой опере Глинка особенно широко использовал музыкальный фольклор народов, населяющих Российскую империю.

В «Руслане и Людмиле» М. Глинка с большим умением использовал мелодию азербайджанской народной песни «Галаныи дибинде» в хоре «Ложится в поле мрак ночной». Здесь азербайджанские мелодии звучат и в музыке восточных танцев и анданте.

Во втором номере журнала «Отечество — Ля Патри» за 1903 год имеется сообщение Н. Н. Кузьмина о музыкальных воспоминаниях знаменитого художника-мариниста И. К. Айвазовского. В письме Н. Кузьмину И. Айвазовский говорил: «Серые маленькие глаза Глинки, когда он просил меня что-нибудь играть на скрипке, казалось, пронизывали меня насквозь, и только в них мелькали искорки. Я часто наигрывал на скрипке ему татарские (азербайджанские, широко распространенные в Крыму, — Т. С.) песни, слышанные мною в детстве еще в Крыму, и он их перенес потом в «Руслан и Людмилу». Однажды, когда я писал небольшую марину, Глинка сел за рояль и с увлечением сыграл их, восточные танцы и анданте из «Руслана».

Н. Кузьмин в своем сообщении приводит и следующий факт: «...И. К. Айвазовский и Платон Кукольник играли на скрипке, вдохновляя своими мотивами Глинку, причем И. К. Айвазовский играл на скрипке особенным манером, на татарский образец, поставив ее стоймя против себя и извлекая из нее чаще заунывные, а порою и веселые плясовые восточные песни...».

Интересные факты мы встречаем и у декабриста Александра Семеновича Гангеблова в его «Воспоминаниях», изданных отдельной книгой в Москве в 1888 году. А. С. Гангеблов, высланный в южноазербайджанский город Урмию, в своей книге пишет: «...На городской площади, за час до пробития вечерней зори, каждый день играла наша полковая музыка. Народу сходилось много, но на слушателей наши мотивы не производили никакого действия, тогда, как мотив их общенародной песни

Кала нун ди банда
бир агач гилас,
Ат ма бу дам лари
мен каралиям

доводит их до исступления. Когда у них спрашивали, как они находят нашу музыку, они отвечали, что нашим инструментам они отдают преимущество перед своими, но свои музыкальные мотивы и свою гармонию они ставят гораздо выше наших. Но эти восточные мотивы, эта восточная гармония, должны же они заключать в себе что-нибудь действительно обаятельное, коль скоро едва ли не половина человеческих существ им поклоняются с таким энтузиазмом...». Здесь же А. Гангеблов отмечает, что мотив этой песни М. Глинка использовал в опере «Руслан и Людмила».

Тофик СУЛТАНОВ,
научный сотрудник Института литературы и языка им. Низами.